
Мария АГУРА

* * *

почему бы красиво — быть прозрачным
понятным и легким
сыпать зерна и вскармливать птиц
залетных
знать слова которые свежи
как утренний воздух
и плавать и плыть по озерам-морям
как остров

ведь красиво — быть тонким хрупким
и ломким измельчаясь
под каменным пестиком городов в ветер
в звон в дрожь от дождя и снега
в призрачность их смеха

красиво — ложиться пушистым ковром
летать и отвердевать кристаллом на стеклах
очков и окон замирать
сосульками на карнизах крыш водостоках
цепляясь за детские губы ладони
таять

и оставаться всегда прозрачным как слезы
для света и красоты — для жеста
имени-зова куда-то
из где-то

ТРУБАДУРЫ ВСЕГО ЛИШЬ ЛЮДИ

навечно не спрятаться в шелковом платице
и чьи-то глаза в слове «разница» не заметят увесистой кляксы
перенаселенные города и пустынные тракты
одинаково предоставлены свету и мраку
игры в прятки и мозоли обутых пяток —
ключевые точки споров и взглядов — заведомо упираются
во внешнюю свору собак и внутреннего зайца

Мария Агура окончила консерваторию по классу вокала. Была солисткой двух театров — Театра музыки эпохи Возрождения и Государственного театра оперы и балета. В настоящее время — режиссер молодежной оперной студии. Преподает в консерватории.

умение взрослеть и стариться — редкий талант
из сундука древней тайны
которая
в условной протяженности шелковой одежды
непременно отыщет мое «нежиться» и стороннее «нежить»

* * *

что за нежность
когда только что связанный грубый свитер
зализывает до ран кожу
одичавшую в отсутствие одежды
заставляя вспомнить ручного ежика
соседской девочки-попутчицы
когда читаешь найденную у неверной подруги
невероятную книгу
стосковавшуюся по твоим пальцам
и ты навсегда узнаешь что будешь годами медлить
с ее возвратом в научную библиотеку
(потому что мир никогда уже не выпарить
из математической формулы расщепленного света)
когда в музыке шестнадцатого века
обнаруживаешь себя с лютней в руках
читающей табулатуру как поэзию Гильома Аквитанского
и гармония сфер заливается в уши
как лакомство и лекарство от смерти духа
думаешь случай пугаешься
но залетевшая и тут же вылетевшая из комнаты огромная муха
заставляет опомниться и облегченной продолжить
высокую трапезу

* * *

Немного из той песни, которая —
трафаретом по спутанным дням:
пряди нитей льняных
окунула в воду звуков...
Зеленый сумрак, а в нем —
капель и мой голос;
а может,
одно и то же:
я, капель, нити голоса, льняной сумрак
во влаге прибывающего солнца...

ПЕПЕЛЬНОЕ

снова потеряю голос
чтобы приблизить берег
капля — вот то что знает
о возобновлении совершенства

падают звуки и бьются в поклонах дожди
вызревают бумага и крыши
красное крошится и мелко закату в круглом

меры пучок оплетается солнечной вязью
туго не по-вечному

да и как опрокинуть: взгляды хлеба взволнованность
не имеют опоры
долгое разлито по тарелкам и платьяцам детства
мякиша древко продето сквозь прутья
угрюмых хранилищ света
вот и мы прирастаем к плечу
опереньем холода

* * *

терпение минут — мозолей дня —
на маленьких ладонях часа
посевы у-влечения
в надломы чистых красок

испарина любви неведомой, нажим
на трубчатую вертикаль скольженья
по всем поверхностям — любим
и любим зрению

язык и проба соли всех земель
отмеченных пунктиром невозврата
в механику дверных петель
и законность голосов пернатых

заклание сердец в воронку красоты
на йоту от поимки совершенства
терпение минут — искомость долготы
в координатах вечного блаженства

безликость легкости, свободы и игры
на струнах душ заоблачных народов
сквозь поры — истечение поры
разоблаченья тайн природы

цветенье боли, недоверие слезе
среди руин жестокого неверья
ступание по узенькой стезе
самозабвенья